

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Двести лет тому

Событие, которое мы привычно называем «восстанием декабристов», длилось на Сенатской площади несколько часов, а его последствия, прямые и косвенные, растянулись на десятилетия и более. Ленин выстроил свою концепцию российской истории, начав с того, что «декабристы разбудили Герцена». Нарисованное им победное шествие освободительных идей в несколько прыжков привело к революции, пропустив, правда, тягостное правление Николая I и Александра III – реакцию на попытки вывести Россию на иной исторический путь¹.

Неудавшийся переворот сыграл большую роль в российской истории, хотя и не ту, которую задумывали его организаторы: с тех пор в России порывы к свободе вызывали контрреакцию, много более масштабную, нежели они сами.

1 Показательна в этом смысле приписываемая Александру III формула о «двух союзниках России – ее армии и флоте», которая ставит вопрос: что же хорошего в том, что с нами никто не хочет быть в союзе?

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

055

Почему так – вопрос сложный: в разных обществах разным оказывается историческое соотношение обновительных и консервирующих культурных начал, соответствующих социальных сил. Этим соображением по поводу грустного исторического прецедента мы попробуем воспользоваться для объяснения одного феномена в истории современной.

Нам не один раз приходилось комментировать такой показатель состояния общества, как рейтинг Владимира Путина². В конце ноября 2025 года он опустился до 84%, продержавшись многие месяцы на уровне 86–87%. Из опыта измерений этого показателя на протяжении четвертьвекового правления Путина известно, что 80% и выше он достигает всякий раз, когда Россия демонстрирует военную силу своему главному супостату – Западу, – побеждая более слабых соседей.

Примерно треть взрослого населения России считает эти победы главной заслугой президента. Когда наступает «скучное» время – страна ни с кем не воюет и не готовится воевать, – эта публика перестает отвечать «одобряю» интервьюерам «Левада-центра»³, и тогда рейтинг опускается до 65% или чуть ниже⁴.

Но еще примерно 60% опрошенных никогда не меняют своих ответов: они всегда одобряют! Это постоянство воистину изумительно: они поддерживали и в первую каденцию Путина, когда еще продолжалась дружба с Западом и, пусть и не всерьез, но велись разговоры о вступлении России в НАТО, и в дальнейшем, когда отношение к Западу ста-

ло меняться, и после 2022 года. И если на протяжении 25 лет одна и та же доля населения демонстрирует одну и ту же позицию, значит, опросы в своей совокупности сообщают не о настроениях (кои переменчивы), а о каком-то стабильном состоянии социума.

Поскольку мы завели разговор о том, как в обществе происходит реакция на импульс активности, то это гиперстабильное состояние можно рассматривать как одну из форм такой реакции. События, ее вызвавшие и оказавшие на российское население столь сильное воздействие, что символические интеграция и солидарность сами по себе (когда предметом объединения является само объединение) образовали воспроизводящую себя общественную структуру тотального характера, – это «лихие 1990-е», грандиозное социальное потрясение.

Возникло, а потом пропало обещание новой жизни, для многих распались привычные формы социального существования, поломалась система статусов, исчезла (поскольку потеряла имя) страна как место проживания, исчезло советское государство как структура, которая обнимала и держала своих граждан. Люди стали сами по себе, но свобода от госопеки многими была воспринята как социальное сиротство, возможность индивидуального предпринимательства – как отказ от привычных коллективных трудовых усилий. Сама свобода очень многими была воспринята не как позитивная социальная ценность, а как антисоциальность, как распад связей.

2 Доля – в процентах – людей, давших положительный ответ на вопрос «Одобряете в целом или не одобряете деятельность В. Путина на посту президента РФ?».

3 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

4 Те, кто не принадлежит ни к воинственной трети, ни к неизменному большинству, формируют примерно 10%-е меньшинство, которое с тем же постоянством, что упомянутое большинство, отказывает в одобрении президенту.

Распространенные слова для описания 1990-х – «распад», «развал» – показывают, что происшедшее было воспринято социумом как угроза его целостности. Поэтому реакцией оказалось стремление к хотя бы символическому коллективизму, попытка замирания в неизменности. В отличие от реакции власти на «лихие 1990-е», зримой, оформленной в действиях, жестах и словах – демонтаж институтов демократии, вытеснение их лидеров из политического поля, а и их имен из общественной памяти, репрессии, – реакцию социума распознать не так легко. Ведь, не будь социологов, которые занудно повторяют один и тот же вопрос столько лет подряд⁵, мы не знали бы про это неизменное 60%-е большинство.

Можно гадать: если бы двести лет назад заговорщикам удалось совершить в Санкт-Петербурге то, что они замыслили, какая бы часть населения тогдашней империи их поддержала? У нас есть возможность узнать нечто отдаленно похожее про сегодняшнюю Россию. «Левада-центр» все путинские годы задает два вопроса: возможны ли в вашем городе/районе выступления протеста,

и, если они состоятся, примите ли вы в них участие? Вряд ли это точный инструмент для измерения протестного потенциала, но некоторые общие представления о настроениях он дает.

За все время наблюдений доля считавших, что протесты маловероятны, была в основном в 3–5 раз больше, чем тех, кто полагал, что протесты возможны. Готовность личного участия выражали еще реже (тут стоит еще добавить, что, судя по оценкам численности самых массовых митингов протеста в Москве и в других городах, вероятность своего участия в подобных акциях наши респонденты изрядно завышают). Только в пик недовольства президентом, когда он подписал закон об увеличении пенсионного возраста, доля обещавших участвовать в протестах доходила до почти четверти. Но в большинстве случаев она составляла в среднем около одной десятой. В нижеследующей таблице показано, как россияне реагировали на эти вопросы в конце осени 2025 года.

В заключение остается только сказать: да, периоды реакции в России длительные. Но поминуют и празднуют не их, а попытки изменить жизнь.

	Москва	Города с населением...			Село
		более 500 тысяч человек	от 100 тысяч до 500 тысяч человек	до 100 тысяч человек	
Возможны ли, на ваш взгляд, в вашем городе / сельском районе выступления протеста (демонстрации, митинги, забастовки) с политическими требованиями? (%)					
вполне возможны	15	12	13	10	6
маловероятны	80	83	85	85	90
Если массовые выступления протеста с политическими требованиями состоятся, вы лично примете в них участие или нет? (%)					
скорее всего, да	7	5	13	14	13
скорее всего, нет	90	90	85	80	83

5 Вопрос про одобрение/неодобрение деятельности Владимира Путина задавался в каждом из 1600 личных интервью, проводившихся двенадцать раз в году в каждый из этих 25 лет. Всего около полумиллиона ответов.

